

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

В ПОСЛЕДНИЮ МИНУТУ . . .

● 120 полисменов оцепили ночью здание, в котором находится танцевальный зал «Палладиум» (Бродвей и 53 ул.). В течение двух часов производился тщательный обыск. У танцовщиц и музыкантов обнаружены были в большом количестве наркотики; часть их была скрыта в инструментах, и нижнем белье танцовщиц. Некоторым удалось выбросить наркотики в окно на улицу. Арестовано 10 музыкантов и танцовщиц.

● Десятая партия шахматного турнира, отложенная вследствие недомогания Талья, возобновилась третьего дня и была прервана на 40 ходу с преимуществом в пользу Ботвинника. Положение сторон: Ботвинник 4,5 очка, Таль — 3,5.

● По сообщению агентства ТАСС, в Астрахани рыбаки выловили осетра весом в полтонны (30,5 пудов), из которого извлекли 125 фунтов икры.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Отрывок из длинной повести

Одной из причин падения Римской империи было красноречие, зараза пошла еще от Цицерона. Главным стали красивые фразы и форма речи, а не продаваемое и умное.

Я это постоянно помню и стараюсь писать как можно проще и короче, но это не всегда удается, труднее всего писать коротко и просто.

Все наши знания, весь наш опыт закреплены в памяти, если уничтожить у человека память — умрут и все его знания. Воспоминания закрепляются в клеточках головного мозга, так учит психология, физиология и анатомия. Даже при полном скептицизме в этом сомневаться не приходится: если отрезать руку или ногу, или даже две ноги — память остается, но если похитить мозг — она пропадет.

Старенькая Настасья Яковлевна бывало говорила, что человек меняется каждые семь лет. Откуда эти сведения почерпнула она, мне осталось неизвестным, может быть из Бросова календаря, из Марты на Зелени или из Новогошего Оракула, но это приблизительно совпадает с данными биологии. Клетки организма старятся и умирают, в несколько лет обновляется весь организм — вместо умерших клеток вырастают новые. Значит такой же процесс идет и в мозгу? Клеточка мозга, в которой закреплено какое-то впечатление, рано или поздно отмирает, а в памяти это остается — каким же образом оно переходит в другую клеточку? Значит в момент перехода на какой-то промежуток времени, это воспоминание живет вне клеточки, значит имеет какую-то свою, нематериальную сущность? В физической структуре клеточки есть еще и нематериальная сущность, душа? Отсюда уже рукой подать до общей души человека, до души Вселенной, до перевоплощения...

Какому то физиологу уже до меня пришли эти мысли, потому что появилась новая теория относительно мозговых клеток: все-де клетка в теле человека в течение жизни меняется, но мозговые остаются те же самые и вот тогда нет этой загадки и нет моих выводов.

Однако в голове взрослого человека мозговых клеток много больше чем у новорожденного, новые клетки все время рождаются, но только они в отличие от всех остальных не старятся и не умирают, может быть это и так, но все-таки является сомнение.

Я идию глупо, очень много из того, что говорят, пишут и делают за последние время, признанное «умными людьми», кажется мне несомненно глупым, а дураки всегда считают глупыми других... Но с другой стороны, если человек знает, что он глупее, то он не совсем глуп, дураки никогда не сознаются в этом даже самим себе... А еще с третьей стороны, если можно так сказать, почему то в ранние считал себя умным, а продавая теперь свои поступки в прошлом, нижу, как много глупостей сделано.

Вот недавно, в первые дни после приезда в Дакс, когда еще жили в большом отеле, занятом теперь немцами, я вышел на несколько минут на улицу, чтобы купить сигар.

Это было после завтрака, яркое светило светило. Я шел по солнечной стороне и увидел, что над тротуаром стоит прислонившаяся к дому высокая лестница и от нее на тротуар, наискосок, падает резкая тень. С детства я хорошо знал, что не надо проходить под лестницей, что это плохая примета. У нас знали много примет и знали также как с ними бороться... Например, если встретишь священника, надо незаметно три раза плюнуть, нельзя никаких дел начинать в понедельник, а чтобы не сглазить чегонибудь, надо сейчас же тихонько постучать по дереву и сказать — «сучо дерево, внутри пятница». В детстве я все это тщательно

выполнял, но уже юношей понял, насколько это глупо, и даже смеялся над другими... А вот тут вдруг я замедлил шаг перед тенью и чтобы не проходить под лестницей перешел на другую сторону улицы, хотя табачный магазин был на той стороне, где стояла лестница. Мне колебание и решение заняли всего секунду, и никто не мог бы заметить: мне было стыдно за свой поступок, никому об этом не рассказав бы, а все так сделал...

И тут же я вспомнил рассказ знакомого собирателя марок о том, как он сходил с ума. Года три он был в доме сумасшедших, теперь он выздоровел и ясно помнит с чего началось его сумасшествие. Он шел тоже в солнечный день, но улице и тротуар заметил что не вся его тень ложится на тротуар, а переломилась и голова уже идет по ступе. Он сразу почувствовал боль в шее, как раз там, где переломилась тень, сошел с тротуара, тень легла вся плоской в боль сразу прошла... С тех пор он стал всегда внимательно следить, как ложится его тень. Потом как то перешел на площадь и заметил, что автомобиль идет как раз на голову его тени: он быстро отскочил и подумал, что могло бы кончиться плохо, если бы не заметил и не отскочил.

Домашние и знакомые еще никакой ненормальности в нем не замечали, пока не случилось следующее. Он разравнивал железными граблями газон на дорожке у себя в садике, а его собака, играя, хватала зубами за грабли и мешала.

«Миди, Дик» — замаяхнулся он наконец на собаку — суйди, а то хвачу тебя граблями по голове и конец тебе». А Дик на это засмеялся и сказал — «Ну нет, вы этого не сделаете, это может сделать только сумасшедший». Его насколько не удивило что Дик разговаривал по-человечески, а только то, что он говорил на «мы».

Но когда об этом случае рассказал домашним, а потом и другим, и настаивал, что это совсем не шутка, так действительно было, его повели к психиатру и он особенно не протестовал.

Мы часто путаем слова «глупый», «дурак», «сумасшедший», это далеко не одно и то же. Глупость неизлечима и обычно врожденная, а сумасшествие иногда проходит. И дурак остается дураком во всем, во всех своих мыслях и поступках, а сумасшедший с какой нибудь навязчивой идеей может быть гениален в другом. Словом, сумасшествие гораздо лучше глупости, и эта мысль мне утешает. Если бы, например, некоторые государственные люди последнего времени, скажем, за последние тридцать лет, были не глупыми, а сумасшедшими, жизнь миллионов людей (и животных) была бы радостнее.

Глупо верить в абсурдность и тем более глупо считать абсурдным то, чего просто не можешь понять. Если человек чего нибудь не может понять, то это не значит что это абсурдно: кто то понимает, и кажущееся мне абсурдным в действительности полно глубокого смысла.

Считается что наши желанья зарождаются в мозгу, но важно где они зарождаются, лишь бы были, потому что когда нет никаких желаний — это уже умирание, смерть... У нас было сильное желание как можно скорее уехать из миллэ Дакса, домой в Париж.

Мысль об автомобиле, на котором приехали, отбросил. Как не было бензина и денег на Париж были закрыты. Пешком идти далеко, оставалось только поехать, но прямых поездов не ходили, а не-прямых надо было ехать четверо суток, на каждой пересадке брать место с бою и все таки можно было не доехать. При продаже билета любезно предупредили, что вы едете на свой риск и страх. Это было хуже, чем в сказке об Иване Царевиче и сером волке: тауля Ивана был выбор — или

ку в уголке около шкафа. Истинная любовь может действовать даже на предметы неодушевленные...

Глупость или сумасшествие неприятны только для других, а для себя это состояние приятное. С тех пор, как я перестал по что бы то ни стало стремиться быть умным, у меня чаще бывает хорошее настроение, как то спокойнее жить. Стараться жить умным очень трудно, все время приходится стать глупым, что нибудь сказать, написать, или вообще сделать. Все время какое то соревнование с другими, зависть к успеху других...

«Как же это он сумел сделать, а я не могу? Значит он умнее меня...»

А когда не претендуешь на умность, успех другого, какое нибудь его достижение, приятно.

«Он ведь умный... Так и должно быть... Это мог сделать только умный, а я ведь не умный...»

Глупости иногда даже и для других лучше: вот например, все изобретатели наперво умные и выдумали бомбы. Глупый же выдумал бы. Мало ли еще изобретений вроде бомб. Если бы все были глупыми, очень многих неприятностей не было бы.

В напряженном мышлении, хотя бы глупом, время проходит незаметно, кровообращение усиливается, организм работает полнее — это лучше всякой гимнастики и спорта. Но людям неумным думать, непременно надо дать какое нибудь обязательное занятие, хотя бы стирать пыль все на том же месте, но непременно нужно чем нибудь их занять, иначе они скукают, сердятся, ссорятся.

Когда встал сегодня — бы...

до совсем темно. К темноте привыкнешь, все затемнено, до мозгов исключительно.

Ночью сна, каждую ночь, всю ночь и все страннее один другого. Мои отупевшая фантазия ничего подобного выдумать теперь наяву не могла бы: подсознание пользуется запасами прошлого. Вдруг роино в восемь, столовая осветилась оранжевым заревом, восходило солнце. Только в восемь, потому что часы не рсведены на два часа вперед. Почему только на два? В моем «Истории Дураков» поступки решительнее, часов не переводили, но серединой дня действительно сделали полдень, а серединой ночи — полночь. Вставали в четыре часа утра, а ложились в восемь вечера, как птицы. Человеческая наука утверждает что это самый здоровый режим, надо спать когда нет солнца и бодрствовать когда светло. Мои дураки, оказывается, не глупые, уже многие из их обычаев и привычек стало действительностью.

На земле обитание, но солнце восходит и заходит попеременно, и положенное время. Хотя бы все люди то единого сошли с ума, или все перерезали друг друга, движения солнца это не нарушит. Люди такая ничтожная частичка мироздания, что их судьба и поступки никого, кроме их самих, не интересуют.

То что они делают по своей воле, так ничтожно в сравнении с волей вселенной, что смешно придавать этому какую либо важность и жить в постоянном беспокойстве, колебании и страхе. Что могут или сделать люди — смерть, ничто больше. Сделать меня мертвым может каждый — для этого не надо особых способностей или силы, каждый или

от может...

Вспомнил толстого колбасника немца, в моем когда то родном городе, он лет сорок прожил в России но с русским языком поладить не мог. У него как то оборвали склад око рокон и он говорил — теперь я себе устроил сильный забор, и тоже удивлялся, что его горничную зовут Настя, а «настасья» значит что плохая погода. Он мог бы, теперь сказать, что морская дочка, цветочки которые хорошо пахнут несной и гудок о беде — все сирен...

Ва. Крымов

„Великий инквизитор“ в творчестве Достоевского

(К восьмидесятилетию со дня смерти автора «Братьев Карамазовых»)

День смерти Достоевского всегда будет днем траура для русской литературы. Но в этом году, когда и в Советском Союзе и на Западе отмечают восьмидесятилетие со дня смерти автора «Братьев Карамазовых», творчество которого имеет не только общечеловеческое, но и мировое значение, чувство гордости несколько смугчено ощущением того, что тоснения на Достоевского на той стороне, если совсем не пристопаются, то, во всяком случае, ослаблены.

Это видно и из того, что хуртовое произведение Достоевского переиздано в Советском Союзе массовыми тиражами, и из нередких там киноинсценировок его произведений и из различных статей и сборников, посвященных его творчеству.

И вместе с тем, у всякого, кто любит Достоевского и хочет правильно понять его, неизбежно возникает чувство возмущения той идеологической «державной» критикой, которая занимается развенчиванием Достоевского, как мыслителя.

Не так давно издательство Академии Наук СССР выпустило сборник «Творчество Достоевского». В сборнике этом помещена (на него ссылается уже К. Номанешев) статья литературоведа Белкина о романе «Братья Карамазовы». Белкин свирепо атакует «Легенду о Великом Инквизиторе», органически сплавив с текстом романа: «Необходимо постоянно иметь в виду... пишет он, — что когда Достоевский применял свой так называемый «высший реализм» для доказательства своих философско-религиозных идей, его художественный метод оборачивался не силой, а слабостью, не глубокой обобщенной, а дурной, реакционной тенденциозностью.

Большой художник, по мнению Белкина, умерал в Достоевском, как только он становился религиозным мыслителем.

То, что пишет Белкин, не ново. Это, так сказать, казенный, получивший благословение самого Суслова, — взгляд, которым

несколько раньше Белкина воспользовался в своей монографии о Достоевском видный партийный сановник от литературоведения Ермаков, объявивший «Великого Инквизитора» реакционной легендой.

Знаменательно, что Белкин и Ермаков проявили трогательное единодушие в нападениях на опубликованное еще до революции исследование В. В. Розанова «Легенда о великом инквизиторе». Именно «реакционер» и «мракобес» Розанов, по мнению крушевских литературоведов, недовольно раздул значение этой легенды, гиперболически преувеличив роль метафизических, мистических мотивов в творчестве Достоевского.

Также нападки с годовой выдают преданности Ермакова и Белкина «традициям» недоброй памяти сталинской эпохи.

Так партийная критика обрушилась в свое время на покойного литературоведа Гомаринского за то, что тот осмелился (дело было после второй мировой войны) сослаться на Розанова в комментариях к одному из избранных произведений Достоевского.

А еще раньше досталось такому крупному литературоведу, как Искус — Долинин, — за то, что он назвал Розанова «привидением» знакомом Достоевского...

Такая работа Розанова, как «Легенда о великом инквизиторе» не нуждается в каких бы то ни было защитниках. Она — до ту сторону похвал и хулы. Это — вершина русской критической и религиозной мысли.

В этой своей статье я останавливаюсь лишь на тех сторонах книги Розанова, которые вызвали столь неустойчивую злобу большевистской пропаганды. Этим я и ограничиваю свою задачу: «между романом «Братья Карамазовы» и «Легендой о Великом инквизиторе», — писал Розанов, — есть связь внутренняя: — именно «Легенда» раскрывает как бы душу всего произведения, которое только группируется около нее, как вариация око-

ло своей темы... в «Легенде...» — заветная мысль писателя, без которой не был бы написан ни одно из его произведений... Как же раскрывает Розанов эту заветную мысль автора? Он пишет:

«Признают Достоевского глубочайшим аналитиком человеческой души. Таким он сделался вследствие того, что в ней увидел средоточие всех загадок, над которыми думает человек, и разрешение всех трудностей, дреодолате которые ему было дано».

И в «Легенде» о великом инквизиторе Достоевский доказывает, по Розанову, что «умаление человеческой свободы, ее подавление или извращение идет не изнутри его природы, а извне». Таким образом, открывая божественное начало в глубинах человеческой души, Достоевский тем самым утверждает «духовную свободу человека, которую и надо открывать в нем самом, а его внутреннем мире».

Вот в этом то, по мнению Розанова, и состоит заветная мысль многих произведений Достоевского.

Не оспаривая того, что в «Легенде» о великом инквизиторе можно уловить антикатолическую тенденцию, Розанов в своем исследовании настаивает на том, что эта тенденция гораздо менее существенна, нежели заветная мысль писателя. Вот почему Розанов пишет о Достоевском, как о человеке, раздвоенном с религиозными формами, бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, как о «человеке, приведенном к мысли о религии тревожа собственной совестью, мысленно ставя перед собой задачу «всесторонности, и он инстинктивно руководствовался «этими требованиями, а не интересами какой бы то ни было церкви».

«Достоевский», — писал Розанов, — «всегда всех заговаривал о жизни, которая может быть под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых не-

возможных условиях».

Тут то мы и найдем ключ к тому, почему Ермаков и Белкин нападают и на «Легенду» о великом инквизиторе и на другие произведения этой легенды — Розанова. Чтоб еще лучше выявить подоплеку острой неприязни крушевских зондов к «Легенде», приведу выдержки из письма Достоевского к поэту Майкову:

«В письме этом Достоевский так рассказывает о замысле «Братьев Карамазовых»: «Главный вопрос, который проведи во всех частях — тот же самый, которым я мучился — сознательно и бессознательно — всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атест, то верующий, то фанатик, то опять атест. Для других это гроша не стоит, но для меня — сокровище».

Вспомнил толстого колбасника немца, в моем когда то родном городе, он лет сорок прожил в России но с русским языком поладить не мог. У него как то оборвали склад око рокон и он говорил — теперь я себе устроил сильный забор, и тоже удивлялся, что его горничную зовут Настя, а «настасья» значит что плохая погода. Он мог бы, теперь сказать, что морская дочка, цветочки которые хорошо пахнут несной и гудок о беде — все сирен...

И далее Розанов утверждает, что «в самый разгар увлечения внешними реформами, в минуту безусловного отрицания всего внутреннего, религиозного, мистического в жизни и в человеке», Достоевский «отверг все внешнее и обратился к внутреннему, религиозному. И обществу, по словам Розанова, сперва удивленное и негодовавшее, но и очарованное, сначала «по одиночке», а потом «массами» было как бы повернуто Достоевским к борьбе за утверждение духовной свободы человека».

Трудно поверить, что эти мысли были высказаны Розановым в начале века. Настолько они своевременны и важны теперь, в наши дни. Ведь вопрос о науке и вере, о революции и религии стоит сейчас так остро, как никогда. И вопросы, мучившие Ивана Карамазова и самого Достоевского, встают теперь во всей силе перед ищущими, думающими, учеными той стороны, перед охваченными духовным брожением студентами. Так «Легенда» о великом инквизиторе и другие произведения Розанова, раньше других разгадавшего сокровенный смысл этой легенды, невольно становятся оплотом против усливаемой сейчас атеистической пропаганды в Советском Союзе. Этим и объясняются тщетные попытки Белкиных и Ермаковых «развенчать» «Великого инквизитора». Вяч. Завалинин

«Легенда» о великом инквизиторе Достоевский доказывает, по Розанову, что «умаление человеческой свободы, ее подавление или извращение идет не изнутри его природы, а извне». Таким образом, открывая божественное начало в глубинах человеческой души, Достоевский тем самым утверждает «духовную свободу человека, которую и надо открывать в нем самом, а его внутреннем мире».

Вот в этом то, по мнению Розанова, и состоит заветная мысль многих произведений Достоевского.

Не оспаривая того, что в «Легенде» о великом инквизиторе можно уловить антикатолическую тенденцию, Розанов в своем исследовании настаивает на том, что эта тенденция гораздо менее существенна, нежели заветная мысль писателя. Вот почему Розанов пишет о Достоевском, как о человеке, раздвоенном с религиозными формами, бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, как о «человеке, приведенном к мысли о религии тревожа собственной совестью, мысленно ставя перед собой задачу «всесторонности, и он инстинктивно руководствовался «этими требованиями, а не интересами какой бы то ни было церкви».

«Достоевский», — писал Розанов, — «всегда всех заговаривал о жизни, которая может быть под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых не-

возможных условиях».

Тут то мы и найдем ключ к тому, почему Ермаков и Белкин нападают и на «Легенду» о великом инквизиторе и на другие произведения этой легенды — Розанова. Чтоб еще лучше выявить подоплеку острой неприязни крушевских зондов к «Легенде», приведу выдержки из письма Достоевского к поэту Майкову:

«В письме этом Достоевский так рассказывает о замысле «Братьев Карамазовых»: «Главный вопрос, который проведи во всех частях — тот же самый, которым я мучился — сознательно и бессознательно — всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атест, то верующий, то фанатик, то опять атест. Для других это гроша не стоит, но для меня — сокровище».

Вспомнил толстого колбасника немца, в моем когда то родном городе, он лет сорок прожил в России но с русским языком поладить не мог. У него как то оборвали склад око рокон и он говорил — теперь я себе устроил сильный забор, и тоже удивлялся, что его горничную зовут Настя, а «настасья» значит что плохая погода. Он мог бы, теперь сказать, что морская дочка, цветочки которые хорошо пахнут несной и гудок о беде — все сирен...

И далее Розанов утверждает, что «в самый разгар увлечения внешними реформами, в минуту безусловного отрицания всего внутреннего, религиозного, мистического в жизни и в человеке», Достоевский «отверг все внешнее и обратился к внутреннему, религиозному. И обществу, по словам Розанова, сперва удивленное и негодовавшее, но и очарованное, сначала «по одиночке», а потом «массами» было как бы повернуто Достоевским к борьбе за утверждение духовной свободы человека».

Трудно поверить, что эти мысли были высказаны Розановым в начале века. Настолько они своевременны и важны теперь, в наши дни. Ведь вопрос о науке и вере, о революции и религии стоит сейчас так остро, как никогда. И вопросы, мучившие Ивана Карамазова и самого Достоевского, встают теперь во всей силе перед ищущими, думающими, учеными той стороны, перед охваченными духовным брожением студентами. Так «Легенда» о великом инквизиторе и другие произведения Розанова, раньше других разгадавшего сокровенный смысл этой легенды, невольно становятся оплотом против усливаемой сейчас атеистической пропаганды в Советском Союзе. Этим и объясняются тщетные попытки Белкиных и Ермаковых «развенчать» «Великого инквизитора». Вяч. Завалинин

«Легенда» о великом инквизиторе Достоевский доказывает, по Розанову, что «умаление человеческой свободы, ее подавление или извращение идет не изнутри его природы, а извне». Таким образом, открывая божественное начало в глубинах человеческой души, Достоевский тем самым утверждает «духовную свободу человека, которую и надо открывать в нем самом, а его внутреннем мире».

Вот в этом то, по мнению Розанова, и состоит заветная мысль многих произведений Достоевского.

Не оспаривая того, что в «Легенде» о великом инквизиторе можно уловить антикатолическую тенденцию, Розанов в своем исследовании настаивает на том, что эта тенденция гораздо менее существенна, нежели заветная мысль писателя. Вот почему Розанов пишет о Достоевском, как о человеке, раздвоенном с религиозными формами, бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, как о «человеке, приведенном к мысли о религии тревожа собственной совестью, мысленно ставя перед собой задачу «всесторонности, и он инстинктивно руководствовался «этими требованиями, а не интересами какой бы то ни было церкви».

«Достоевский», — писал Розанов, — «всегда всех заговаривал о жизни, которая может быть под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых не-

возможных условиях».

Тут то мы и найдем ключ к тому, почему Ермаков и Белкин нападают и на «Легенду» о великом инквизиторе и на другие произведения этой легенды — Розанова. Чтоб еще лучше выявить подоплеку острой неприязни крушевских зондов к «Легенде», приведу выдержки из письма Достоевского к поэту Майкову:

«В письме этом Достоевский так рассказывает о замысле «Братьев Карамазовых»: «Главный вопрос, который проведи во всех частях — тот же самый, которым я мучился — сознательно и бессознательно — всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атест, то верующий, то фанатик, то опять атест. Для других это гроша не стоит, но для меня — сокровище».

Вспомнил толстого колбасника немца, в моем когда то родном городе, он лет сорок прожил в России но с русским языком поладить не мог. У него как то оборвали склад око рокон и он говорил — теперь я себе устроил сильный забор, и тоже удивлялся, что его горничную зовут Настя, а «настасья» значит что плохая погода. Он мог бы, теперь сказать, что морская дочка, цветочки которые хорошо пахнут несной и гудок о беде — все сирен...

«Достоевский», — писал Розанов, — «всегда всех заговаривал о жизни, которая может быть под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых не-

возможных условиях».

Тут то мы и найдем ключ к тому, почему Ермаков и Белкин нападают и на «Легенду» о великом инквизиторе и на другие произведения этой легенды — Розанова. Чтоб еще лучше выявить подоплеку острой неприязни крушевских зондов к «Легенде», приведу выдержки из письма Достоевского к поэту Майкову:

«В письме этом Достоевский так рассказывает о замысле «Братьев Карамазовых»: «Главный вопрос, который проведи во всех частях — тот же самый, которым я мучился — сознательно и бессознательно — всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атест, то верующий, то фанатик, то опять атест. Для других это гроша не стоит, но для меня — сокровище».

Вспомнил толстого колбасника немца, в моем когда то родном городе, он лет сорок прожил в России но с русским языком поладить не мог. У него как то оборвали склад око рокон и он говорил — теперь я себе устроил сильный забор, и тоже удивлялся, что его горничную зовут Настя, а «настасья» значит что плохая погода. Он мог бы, теперь сказать, что морская дочка, цветочки которые хорошо пахнут несной и гудок о беде — все сирен...

И далее Розанов утверждает, что «в самый разгар увлечения внешними реформами, в минуту безусловного отрицания всего внутреннего, религиозного, мистического в жизни и в человеке», Достоевский «отверг все внешнее и обратился к внутреннему, религиозному. И обществу, по словам Розанова, сперва удивленное и негодовавшее, но и очарованное, сначала «по одиночке», а потом «массами» было как бы повернуто Достоевским к борьбе за утверждение духовной свободы человека».

Трудно поверить, что эти мысли были высказаны Розановым в начале века. Настолько они своевременны и важны теперь, в наши дни. Ведь вопрос о науке и вере, о революции и религии стоит сейчас так остро, как никогда. И вопросы, мучившие Ивана Карамазова и самого Достоевского, встают теперь во всей силе перед ищущими, думающими, учеными той стороны, перед охваченными духовным брожением студентами. Так «Легенда» о великом инквизиторе и другие произведения Розанова, раньше других разгадавшего сокровенный смысл этой легенды, невольно становятся оплотом против усливаемой сейчас атеистической пропаганды в Советском Союзе. Этим и объясняются тщетные попытки Белкиных и Ермаковых «развенчать» «Великого инквизитора». Вяч. Завалинин

«Легенда» о великом инквизиторе Достоевский доказывает, по Розанову, что «умаление человеческой свободы, ее подавление или извращение идет не изнутри его природы, а извне». Таким образом, открывая божественное начало в глубинах человеческой души, Достоевский тем самым утверждает «духовную свободу человека, которую и надо открывать в нем самом, а его внутреннем мире».

Вот в этом то, по мнению Розанова, и состоит заветная мысль многих произведений Достоевского.

Не оспаривая того, что в «Легенде» о великом инквизиторе можно уловить антикатолическую тенденцию, Розанов в своем исследовании настаивает на том, что эта тенденция гораздо менее существенна, нежели заветная мысль писателя. Вот почему Розанов пишет о Достоевском, как о человеке, раздвоенном с религиозными формами, бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, как о «человеке, приведенном к мысли о религии тревожа собственной совестью, мысленно ставя перед собой задачу «всесторонности, и он инстинктивно руководствовался «этими требованиями, а не интересами какой бы то ни было церкви».

«Достоевский», — писал Розанов, — «всегда всех заговаривал о жизни, которая может быть под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых не-

возможных условиях».

Тут то мы и найдем ключ к тому, почему Ермаков и Белкин нападают и на «Легенду» о великом инквизиторе и на другие произведения этой легенды — Розанова. Чтоб еще лучше выявить подоплеку острой неприязни крушевских зондов к «Легенде», приведу выдержки из письма Достоевского к поэту Майкову:

«В письме этом Достоевский так рассказывает о замысле «Братьев Карамазовых»: «Главный вопрос, который проведи во всех частях — тот же самый, которым я мучился — сознательно и бессознательно — всю мою жизнь, — существование Божие. Герой в продолжение жизни — то атест, то верующий, то фанатик, то опять атест. Для других это гроша не стоит, но для меня — сокровище».

Вспомнил толстого колбасника немца, в моем когда то родном городе, он лет сорок прожил в России но с русским языком поладить не мог. У него как то оборвали склад око рокон и он говорил — теперь я себе устроил сильный забор, и тоже удивлялся, что его горничную зовут Настя, а «настасья» значит что плохая погода. Он мог бы, теперь сказать, что морская дочка, цветочки которые хорошо пахнут несной и гудок о беде — все сирен...

ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ

(Начало на 7 странице)

Мировой Души занимает «Об единение Человечество» — в котором, как в земной Нирване, растворяется дела и мысль отдельного человека. Люди все вместе идут к звездам.

Но почему, собственно, они так стремятся в небо? Автор «Баллады» отвечает: «Высоко над облаками невольно нестает замечать мелочи, которые невидимым грузом приковывают дух человека к земле. — «Дух? Быть может, это обмолвка, и автор хочет сказать «мысль»? Но дальше, не задумываясь, он произносит слово «душа»: «Чтобы создать произведение искусства, еще недостаточно таланта, во возможности, времени... в душе художника должен сверкнуть огонь, вызванный каким то событием».

Звезды и звездные корабли материальны; но — материальна ли эта тяга в небо, «непослушное стремление человека всегда идти вперед», («— слова Шевцова в «Балладе»), и этот огонь, который должен сверкнуть в душе?

Древнее, таинственное слово «душа» осталось, и значение его как будто не изменилось: высшее начало, живущее в теле, «одушевленное» тело.

А что, если (— как сказал Копперник, реабилитируя найденный им истину, от которой, было, отказался) — «она нестает, пертится?»

Е. Рубинов

ДЛЯ ОТЗЫВА

В редакцию Нового Русского